

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

УДК 330:82-94

В ТУВЕ (1987–2000 ГОДЫ)

Г.И. Ханин

Новосибирский государственный
технический университет

khaning@academ.org

В статье глазами известного экономиста, автора нашумевших статей по экономике Советского Союза рассматриваются события времен перестройки. Автор исследует состояние как экономики и науки позднего СССР, так и времен нэпа, и делает выводы, неудобные как для прошлого руководства страны, так и для руководителей перестройки. Описывается также попытка силами эффективного научного коллектива ТКО СО АН СССР под руководством А.Н. Ажищева путем научного анализа и планирования улучшить экономико-социальный климат в отдельно взятой отсталой республике Туве, которая заканчивается предсказуемой неудачей.

Ключевые слова: «Лукавая цифра», Тува, экономика Тувы, Н.А. Ажищев, Ричард Эриксон, перестройка, нэп.

Завершающий период перестройки (1987–1991)

Предыдущие воспоминания¹ завершились выходом «Лукавой цифры». О ее появлении я узнал от Селюнина с большим опозданием. В очередной приезд из Кызыла в Новосибирск, зная о скором выходе номера с нашей статьей, я неоднократно звонил Селюнину, но его телефон был все время занят. Уже в последний день перед отъездом в Кызыл я, наконец-то, дозвонился до него. «Ну что, вышел номер?» «Уже 10 дней как вышел. У меня телефон раска-

лился от телефонных звонков». Только теперь я понял, почему не мог до него дозвониться.

Первый период после выхода статьи я пережил в Кызыле. Отклики в Кызыле в основном шли от сотрудников Тувинского комплексного отдела СО АН СССР, где я тогда работал. Они были очень положительны, особенно со стороны русской (или русско-еврейской) его части – молодых людей с естественным образованием, приехавших в Кызыл из Ленинграда, Новосибирска и Красноярска. Я для них стал почти кумиром. Более сдержанным было отношение тувинцев. Лишь самые молодые из них положительно о ней отзывались. Но у них сочувствие сопровождалось опасениями. Очень молодая сотрудница экономической

¹ Ханин Г.И. Непрошенный советник // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4(14) – Т. 2. – С. 122–130. Эта статья являлась авторизованным переводом выпущенной в 1998 году статьи в американском сборнике воспоминаний советских экономистов о перестройке.

лаборатории, которую я возглавлял (из трех человек, включая меня), однажды летом этого года буквально влетела в лабораторию с журналом «Вопросы статистики» в руках и страшно испуганным лицом: «Григорий Исаакович, почитайте, как Вас ругают». Я бегло посмотрел весьма поверхностную статью и ответил: «Так это же замечательно, Клара, что ругают. Чем больше они меня будут ругать, тем больше я стану известен». Только тогда она несколько успокоилась. Но ни на какие публичные выступления за пределами отдела меня в Кызыле долгое время не приглашали.

Вкус славы я ощутил только в Новосибирске, куда приехал в начале лета. Знаком была встреча в городском трамвае с сослуживицей жены. Не стесняясь ее присутствия, она буквально бросилась мне на шею: «Какую замечательную статью Вы написали!» Чтобы закончить с реакцией простых интеллигентных людей, вспоминаю, как через год, во время поездки на отдых в Гульрипши, зашел в местную, очень скромную по размерам районную библиотеку. Когда я туда записывался, библиотекарь спросила: «Вы однофамилец автора “Лукавой цифры”»? И была очень смущена, узнав, что я как раз и есть тот автор.

Но настоящую славу я почувствовал во время поездки в Москву в июне 1987 года.

Первым ее проявлением была встреча со студентами и преподавателями экономического факультета МГУ. Ее инициаторами были мои старинные друзья – доценты этого факультета Игорь Нит и Павел Медведев. Выступление было назначено, если мне не изменяет память, на час дня, и в учебную аудиторию, где оно должно было состояться, к без пятнадцати час начали собираться слушатели. Я успел написать на доске таблицы своих расчетов, когда встре-

воженные Нит и Медведев сообщили, что возникли трудности: партбюро факультета требует отменить мое выступление. Чуть ли не 40 минут шла борьба с партбюро, и поэтому выступление началось с огромным опозданием. Но студенты и молодые преподаватели не расходились, их число только росло. Скандал, видимо, только усиливал интерес к моему выступлению. Я, пожалуй, никогда с тех пор не видел такого количества людей на своем выступлении. Довольно большая аудитория была набита до отказа: люди стояли у всех стенок, сидели и стояли в проходах, сидели на полу перед помостом. Мое выступление прошло в мертвой тишине. Я видел только горящие глаза у многих слушателей. Совсем вылетело из головы, много ли было вопросов и о чем они были конкретно. Нит и Медведев сказали, что выступление прошло великолепно. Остается только добавить, что через три года оба они стали главными экономическими советниками Ельцина и оставались ими до осени 1991 года, выступая против программы 500 дней как авантюры. Потом их влияние снизилось, но Игорь Нит еще пару лет возглавлял все же экономическое управление Президента РФ, пока не умер осенью 1994 года. Среди его сотрудников был очень молодой тогда Михаил Делягин. Медведев избрал парламентскую карьеру и возглавлял банковские подкомитеты в парламентах разных созывов. Ни тот ни другой меня к своей деятельности не привлекали.

Выступление в МГУ имело одно неожиданное продолжение. Потом выяснилось, что на нем присутствовал стажировавшийся тогда в МГУ молодой американский экономист из Колумбийского университета Ричард Эриксон. Он аккуратно записывал мое выступление и через несколько меся-

цев в этом университете издал working paper большого формата в 40–50 страниц под названием «Ханин против ЦСУ». В ней излагалась история моих исследований, ее содержание и отклики на нее в советской экономической периодике, преимущественно советских статистиков, с очень квалифицированной их оценкой. Для западных экономистов эта работа была во многом откровением. Дело в том, что в «Лукавой цифре» в интересах доступности приводились лишь выводы из моих расчетов, но не сами расчеты. А в лекции я привел основные таблицы, их и воспроизвел Эриксон вместе с моими пояснениями к ним. Так, они впервые стали в полном объеме широко известны на Западе. Это пошло на пользу не только мне, но и Эриксону. Благодаря этой работе он стал широко известен среди западных экономистов.

Другое выступление состоялось в НИИ Госплана СССР. Там я выступал вместе с Селюниным. Конференц-зал института тоже был набит битком. Видно, что мы привлекли большое внимание весьма квалифицированных работников этого института. Мое выступление они выслушали с интересом, но без восторга, с чувством, как мне показалось, ревности. Звездой встречи был на этот раз Селюнин. Только что завершился июньский пленум ЦК КПСС, который принял целую серию постановлений по реформированию советской экономики. Селюнин подробно и в резко критическом духе с рыночных позиций, которые я тогда полностью разделял, их проанализировал. «Они не будут работать», – подытожил он. Так и случилось. Видно было, что далеко не все слушатели разделяли его позицию. Ни академические институты, ни другие московские вузы, ни Госплан СССР, не говоря уже о Совете министров СССР

и ЦК КПСС, видимого интереса к «Лукавой цифре» в этот раз (как и впоследствии) не обнаружили. Как будто им было безразлично, что в действительности происходит в экономике. Или мы для них были слишком маленькими людьми.

Вернувшись в Кызыл, я обнаружил, что вокруг меня собирается буря. Здесь я должен рассказать о своей работе в Кызыле. Передо мной стояла задача определить основные направления развития экономики республики. До этого я не имел опыта региональных исследований, и это затрудняло мою задачу. Первые месяцы я посвятил изучению истории и экономики этой очень своеобразной республики, которая вошла в состав СССР только в 1944 году и не имела железнодорожной связи с остальной ее территорией, по немногочисленной экономической и исторической литературе. Уяснив в главных чертах общее экономическое положение, я некоторое время раздумывал, под каким углом зрения его представить. И здесь мне пришла в голову мысль, навеянная моими предыдущими работами по советской экономике: составить баланс национального дохода республики. Такие балансы составлялись в советское время в некоторых союзных республиках статистическими службами этих республик, но в автономных республиках они не составлялись. К тому же мне это надо было сделать практически в одиночку. По имеющимся статистическим данным я определил примерную величину созданного в республике национального дохода и величину использования в республике национального дохода. Полученная величина разницы меня опеломила. Оказалось, что созданный в республике национальный доход составил лишь 15 % от использованного (в мировых ценах разрыв, скорее все-

го, оказался бы меньше). Иначе говоря, республика паразитировала в огромных масштабах на экономике остального Союза. Теперь оставалось только найти способ уменьшить этот разрыв. Имевшиеся в республике наметки ее специализации были ориентированы на дальнейшее развитие в ней тяжелой промышленности (цветной металлургии, угольной промышленности). Я пришел к выводу, что это ошибка. Для этого отсутствовали необходимые условия. В частности, требовалось для вывоза продукции сооружение железной дороги через гористую местность, которая должна была быть фантастически дорогой (к ее строительству до сих пор практически не приступили). Я рекомендовал сосредоточиться на развитии традиционного для республики сельского хозяйства и переработке его продукции для внутреннего потребления и вывоза за пределы республики (в частности, производства валенок, дефицитных в СССР) и, конечно, повысить эффективность использования имеющегося производственного потенциала. За пару месяцев я написал доклад «Основы концепции экономического развития Тувинской АССР», который представил директору Тувинского комплексного отдела СО АН СССР (ТКО) Николаю Алексеевичу Ажищеву. Прежде чем излагать дальнейшие события, я должен рассказать об этой весьма примечательной, в чем-то и замечательной фигуре.

Ажищеву в то время не было еще 30 лет. Он приехал из Ленинграда. Оттуда привез в ТКО несколько своих приятелей – молодых химиков. Пожалуй, самой замечательной его чертой была смелость – редчайшее качество среди научных работников в СССР. Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы решиться возглавить фор-

мирование нового научного центра в регионе, где научных сил было тогда совсем ничтожное количество (в основном геологи). К тому же еще в регионе с тяжелыми климатическими условиями, связанном с остальной территорией СССР только авиационным и автомобильным транспортом. (Селюнин сказал о Кызыле: не был, но думаю, что изрядная дыра). Только поэтому эту непростую задачу доверили всего лишь неприлично молодому для такой должности кандидату химических наук. Более солидных ученых не нашлось. И надо сказать, что он сделал максимум возможного для решения этой задачи. Он в относительно короткий срок привлек для работы в отделе 10–12 молодых кандидатов наук по различным областям знаний и даже одного доктора химических наук – Григория Яблонского, из научных столиц – химиков, физиков и математиков. Не могу оценить их профессиональный уровень, но интеллектуальный был весьма высок, почему думаю, что и профессиональный был не низок. Не испугался привлечь и полудиссидентов и евреев, какими были Яблонский и я. Он сумел добиться для приезжающих приличных жилищных условий и быстро обеспечил отдел приборами и научной литературой. Сумел наладить хорошие отношения с научными работниками. Одним словом, уже через год после учреждения это был полноценный научный коллектив. Для Тувы почти революция в науке. Он быстро понял, что серьезного научного результата может ожидать только от экономистов, где не требовалось опытов. Но здесь-то тоже требовалась смелость, если результат будет необычным. Но он был и интеллектуально подготовлен для восприятия такого результата. За свою теперь уже немалую жизнь я редко встречал столь интеллектуально яр-

ких людей, как Ажищев. И именно в гуманитарной сфере (химиком он был, по отзывам, средним). Во всяком случае, я больше слушал его, чем сам говорил, как вроде должно было быть. А мои экономические идеи он воспринимал быстро и точно. Из наших разговоров помню поразившие меня тогда его рассуждения, что существование союзных и автономных республик – это мина замедленного действия под СССР. Но были и другие яркие мысли в гуманитарной сфере, при том что фундаментальных знаний не было. Это был поистине самородок.

Когда Ажищев прочитал мой текст, он коротко сказал: «Здорово» и запретил кому-либо его показывать и рассказывать о нем. Через неделю, перепечатав на хорошей машинке, он передал его в республиканский комитет КПСС, второму секретарю, курировавшему отдел и занимавшемуся организационными вопросами, как водилось в то время, русскому – Долгополову. Еще через пару недель он сказал, что его прочитал также и первый секретарь Ширшин, и оба они в ярости от прочитанного. Для меня это не было неожиданностью: доклад был, в сущности, сроден обвинительному заключению для руководства республики.

Когда в июне я был в Москве, показал текст доклада Селюнину. Он удивился: «Как это ты так быстро сумел разобраться?» Но дальше пошли летние каникулы, и гроза грянула только в сентябре, после окончания каникул. В самом начале сентября Ажищев сообщил: нас вызывают на заседание бюро. Пришли: за столом все члены бюро, в центре первый секретарь Ширшин. Мы вдвоем по другую сторону. И Ширшин начинает долго объяснять, что мы проявили политическую незрелость и не поняли, что

эти цифры говорят о бескорыстной интернациональной помощи советского народа тувинскому народу, а не о надуманном авторами доклада изживенчестве. Остальные либо молчали, либо кивали Ширшину в знак одобрения. Нам повезло, что дело было в перестройку. Иначе обоих быстро выперли бы из Тувы.

Но партийное руководство решило довести дело нашего «разоблачения» до конца. В духе перестройки и гласности. Дело еще и в том, что к этому времени содержание доклада стало широко известно в республике, уж не знаю каким образом. В декабре состоялось общереспубликанское совещание о перспективах развития экономики Тувинской АССР с моим главным докладом. В лютый мороз мы отправились практически всем отделом на это совещание. Главный в республике огромный и довольно благоустроенный Дом культуры был переполнен. В президиуме руководители республики, кроме, кажется, Ширшина. Планировалась показательная порка. Думаю, что это было первое в истории Тувы такое совещание с открытым сопоставлением мнений по данному вопросу.

Мне первому было предоставлено слово. Я впервые выступал перед такой огромной аудиторией и вначале заметно волновался. Но через пару минут волнение прошло и я довольно складно, приводя соответствующие цифры, изложил нашу концепцию. Ответил на несколько вопросов. Затем слово получили оппоненты. Они, конечно, были заранее подобраны, преимущественно из числа передовиков производства и руководителей предприятий. Самой концепции они не касались, поскольку не читали ее. Основной мотив их выступлений был такой: мы напряженно и честно много лет трудимся на этой земле, а «они» только

что приехали и уже учат нас жить. На такой основе убедить друг друга было невозможно. В заключение, после трех часов дебатов, мне было предоставлено, вполне в духе демократии и гласности, слово для ответа. Разошлись все – каждый доволен собой: мы с чувством, что нас не опровергли, наши критики – что сумели дать отпор чужакам. Но показательной порки не получилось. Советание закончилось вничью.

Еще до этого совещания руководство республики попыталось устранить меня и Ажищева с помощью приехавшей из Новосибирска комиссии Президиума Сибирского отделения во главе с заместителем Председателя СО РАН академиком Добрецовым. Я знал о намерениях руководства Тувы от Ажищева. Но комиссия, к чести Добрецова, не дала нас съездить. К этому времени за меня агитировала и «Лукавая цифра». Несколько раз в мое отсутствие мой кабинет посещали посторонние, очевидно из КГБ, о чем я узнавал по перестановкам моих бумаг в ящиках стола. Когда осенью я в очередной раз побывал в Москве и рассказал Селюнину о происходивших в Кызыле событиях, он организовал мне встречу с Леном Карпинским – известным тогда оппозиционным публицистом и бывшим секретарем ЦК ВАКСМ, хорошо знавшим нравы советской номенклатуры. Он очень серьезно отнесся к моему рассказу. «Вас могут устранить, устроив, например, драку с уголовником на улице». И посоветовал обратиться в ЦК КПСС. Я позвонил куратору Тувы в организационном отделе ЦК КПСС, и он после моего рассказа позвонил при мне Долгополову и посоветовал оставить меня в покое. Для руководства республики это было равносильно приказу.

Все это время Ажищев вел себя безупречно. Испытывая огромное давление, он

не перестал меня поддерживать, не отступил. Важно еще и то, что и я, и он чувствовали поддержку и симпатии большинства сотрудников отдела. Можно сказать, что в отделе сформировалась первая организационная оппозиция в республике.

Окончательно, однако, буря стихла после появления в «Правде» весной 1988 года большой статьи корреспондента ТАСС в Тувинской АССР Николая Кривомаза, в которой с большим одобрением, довольно подробно излагалась моя концепция развития Тувы. «Правда» тогда еще была для руководителей коммунистов непререкаемым авторитетом. А вскоре в стране развернулись такие события, что им стало не до Ханнина и Ажищева и концепции развития республики. Впрочем, подспудно, скорее в частном порядке, эти проблемы обсуждались. Выдвигались в среде тувинской интеллигенции довольно экзотичные проекты формировать ее специализацию на базе развития электроники (по примеру стран Юго-Восточной Азии) или туризма, опираясь на действительно прекрасную природу Тувы, и даже торговли – по примеру флорентийцев. Возвращаться к овцам и валенкам тувинцам не хотелось. Мне эти проекты казались утопическими.

В начале 1988 года произошло весьма примечательное событие. В Кызыл для встречи со мной приехал Ричард Эриксон, о котором я упоминал, рассказывая о выступлении в МГУ летом 1987 года. Для Тувы это оказалось важным событием: иностранные ученые не баловали посещением Кызыла (посещения всемирно известного Фейнмана не в счет – он посещал республику исключительно с туристическими целями). Он привез свою работу «Ханнин против ЦСУ». Но для руководства отдела это стало важным событием – первым признанием

его научной состоятельности. И Ажищев с присущим ему прагматизмом использовал этот приезд для подписания протокола о намерениях, в котором предусматривалось, в частности, получение отделом дефицитнейших тогда персональных компьютеров. По-моему, из этих проектов ничего не вышло, а самого Эриксона я вновь встретил через два года в Нью-Йорке.

К лету 1988 года я получил возможность и время вернуться к проблемам всей советской экономики. Меня давно мучила проблема состояния советской науки. В ее неумеренном официальном восхвалении я чувствовал фальшь. Оно не совмещалось с растущим отставанием всей экономики, явными неудачами научно-технического прогресса в СССР и еще с наблюдениями над функционированием науки в хорошо знакомом мне новосибирском Академгородке. У меня возникло чувство, что наука – это последняя сфера советской экономики, о состоянии которой у меня нет полной ясности. Я начал, естественно, с определения объективных критериев состояния науки. Многие из них были очевидными: число нобелевских премий, членство в престижных научных обществах, продажа лицензий. Другие взял из науковедческой литературы. Когда я по этим показателям произвел сравнительный анализ советских достижений с передовыми капиталистическими странами, а также сравнил с числом занятых в научных исследованиях, то получил результат, который первоначально меня ошеломил. Получалось, что по производительности труда советская наука отставала от западной (прежде всего североамериканской) больше, чем в области сельского хозяйства, где отставание считалось наибольшим. Проверил исходные данные и, не найдя в них ошибок, задумался о при-

чинах этого катастрофического и неожиданного (с учетом престижности науки в СССР и огромных средств, которые на нее выделялись) отставания. Занялся историей советской науки, только по опубликованным источникам, в которых еще отсутствовала сокрушительная критика последующих лет. Тем не менее тщательное их изучение позволило выявить многие особенности науки, которые тяжелейшим образом сказывались на ее развитии: репрессии против видных ученых, идеологический пресс, бюрократическая организация, порочный подбор кадров, в том числе и по национальному признаку (антисемитизм), низкий спрос на научные достижения экономики (кроме обороны), милитаризация науки и международная изоляция советской науки. Многого мне было известно и ранее, я только расширил прежние знания и обобщил. Много места в статье было посвящено порочной организации Академии наук СССР. Я написал статью за два месяца. Показал ее своим коллегам. Они отнеслись к ней с большим интересом и одобрением, кое-что подсказали. Должен отметить, что все годы жизни в Туве поддержка и интеллектуальное стимулирование моей деятельности молодыми коллегами были важнейшим фактором моей деятельности. Кроме Ажищева, я с благодарностью вспоминаю Григория Яблонского (в прошлом президента знаменитого клуба «Под Интегралом»), с которым у меня были самые близкие отношения; ленинградских ученых Константинова, Ислентьева, Ставаша.

Когда статья была доработана, я стал размышлять, куда ее направить. И тут мне позвонила Таня Ноткина – известный деятель демократического движения. Она сообщила, что готовится сборник – продолжение знаменитого тогда сборника «Иного

не дано», и спросила, не могу ли я что-то предложить. Я сказал, что есть статья о науке. Она попросила прислать. В 1989 году статья в несколько сокращенном виде вышла в сборнике «Постижение»². Редакторы-составители сборника, кроме небольших сокращений изменили его название. Первоначальное название «Есть ли в СССР наука?» показалось им слишком провокационным.

Моя критическая статья о советской науке оказалась одной из первых в этом жанре. Одновременно с ней в одном из московских сборников вышла с примерно теми же идеями и обоснованием статья биолога Франк-Каменецкого, но она прошла мимо моего внимания, и я узнал о ней только спустя 20 лет, когда возобновилась дискуссия о реформировании Академии наук. Эта моя статья, которой я горжусь, не нашла широкого публичного отклика. Во всяком случае, я его не обнаружил. Скорее всего, в горячке перестройки эта тема не казалась самой актуальной. Но она имела резонанс в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Дело в том, что в ней достаточно прозрачно критиковалась деятельность этого института под руководством академика Аганбегяна, хотя само имя института не называлось. В один прекрасный день листок с этим местом появился на стенах кабинета директора этого института (Аганбегян к этому времени уже покинул институт) и вызвал в институте ажиотаж. Через несколько дней мне позвонил один из редакторов-составителей сборника Ф.М. Бородин и грозным голосом потребовал опровержения этого места (как часто водилось в то

² Ханнин Г.И. Почему пробуксовывает наука // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. – М.: Прогресс, 1989. – С. 140–168.

время, он формально отнесся к своим обязанностям и просто не читал эту статью при ее подготовке). Я, конечно, отказался. На этом все и кончилось. Остается добавить, что судьба Тани Ноткиной сложилась печально. Зимой 1990 года во время лыжной прогулки она была изнасилована и после этого убита. Это было достаточно очевидным индикатором начавшегося в стране беспредела, которому первоначально я не придавал должного значения.

Другой проблемой, которой я занялся после советской науки, была проблема нэпа. Нэп еще со студенческих лет был для меня идеальной социально-экономической социалистической системой. По сравнению со сталинской он казался гуманной, относительно демократичной и эффективной. Рынок эпохи нэпа казался мне долгое время несравненно эффективнее командной экономики. Из нэпа я прежде всего черпал свои рыночные идеи, идеи рыночного социализма, относительно гармонично, как мне тогда казалось, сочетавшего план и рынок. В этом своем восхищении нэпом я не был одинок среди советских экономистов. Так думали (и писали) и немногочисленные в 60–70-е годы остальные. В конце перестройки это уже стало общим местом. Именно это меня и насторожило. Я подумал: если нэп был так замечателен, почему же от него отказались. Традиционное объяснение, которое и я долгое время разделял – «по идеологическим и политическим соображениям» – мне показалось первоначально неполным. Я решил заново рассмотреть экономическую историю нэпа. Здесь я обнаружил, что действительно рекордные (именно в такой последовательности) темпы экономического роста в начале и середине нэпа, которыми все так восхищались, к концу нэпа стали реаль-

но весьма умеренными, как я выяснил при поисках своих предшественников по альтернативным оценкам среди советских экономистов. А в растениеводстве рост вообще почти прекратился. Я быстро сообразил, что причина в приближающемся завершении восстановительного периода, на что восторженные поклонники нэпа не обращали внимания или, лучше сказать, должного внимания. Встал вопрос, что ожидало советскую экономику за пределами восстановительного периода. И тут мне пришла в голову счастливая мысль: оценить основные фонды советской экономики по восстановительным ценам. Я произвел такие оценки по нескольким отраслям и обнаружил, что они были выше текущей оценки в 2–3 раза. Это совершенно меняло все макроэкономические оценки этого периода: динамика основных фондов и рентабельность многих отраслей экономики после вычета налогов приближались к нулю. Оказалось, что нэп был далеко не эффективной экономической системой, как многим тогда казалось, под влиянием той же «Лукавой цифры», которая появилась уже тогда. Оказалось, что нэп был относительно эффективен на стадии восстановления экономики, но не годился на стадии реконструкции. Причины этого я тогда связывал с ограниченностью нэпа, пережитками военного коммунизма, от которого советская власть не могла как раз по идеологическим и политическим соображениям, из самосохранения, отказаться. Я послал эту статью в журнал «ЭКО», и она там вышла в десятом номере за 1989 год под заголовком «Почему и когда погиб нэп». В отличие от статьи о советской науке эта статья была замечена и имела большой и длительный успех. Ее часто и долго обсуждали. Сыграло роль и то, что журнал ЭКО был тогда очень популяр-

ным, самым популярным среди советских экономических журналов, с тиражом, приближавшимся к 200 тыс. экземпляров.

Из опыта нэпа следовал и более важный вывод: рынок был плохо совместим с социализмом. Его я тогда не сделал, хотя он напрашивался и прямо вытекал из содержания статьи. Вывод статьи о неизбежности сталинизма следовало связать с опасностью для СССР войны в условиях неустойчивости системы мирового капитализма того периода. На этом тогда обоснованно делал упор Сталин.

Впоследствии очень глубокий анализ нэповского общества проделал публицист Максим Калашников. Он называл нэповскую Россию конченной страной, и многочисленные опубликованные после 1989 года исторические свидетельства подтверждают этот вывод.

С углублением перестройки и гласности расширились возможности более полной публикации моих исследований по альтернативной оценке динамики советской экономики. Я решил начать с главного общественно-политического журнала того времени, органа ЦК КПСС «Коммунист». К этому времени журнал стал рупором реформистских сил в стране, а не только в КПСС. К тому же первым заместителем главного редактора журнала стал Отто Лацис – старый реформатор и друг Селюнина. Селюнин по телефону согласовал с ним возможность публикации моей статьи в журнале. В процессе редактирования статьи я столкнулся с Егором Гайдаром, который возглавлял в журнале отдел экономики. Свои впечатления о нем я изложил в другом месте³. Здесь упомяну только об-

³ О Гайдаре и Чубайсе см. в статье: Ханин Г.И. О моих современниках // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10). – Т. 2. – С. 141–143.

ший тогдашний вывод о его личности: не орел.

Статья вышла в конце 1988 года и легитимизировала мои исследования: «Коммунист», как и «Правда», не мог ошибаться по определению (в отличие, скажем, от «Нового мира»). После этой статьи нападки журнала «Вопросы статистики» на мои работы прекратились. Постепенно в течение 1989–1990 годов в разных экономических журналах я сумел опубликовать основное содержание своей диссертации. А в 1989 году сменилось и руководство ЦСУ СССР. Его главой стал В. Кириченко, который сразу признал, что в деятельности ЦСУ СССР долгое время были серьезные недостатки в плане приукрашивания положения в экономике. Иными словами, признал полную справедливость моей критики. В конце 1989 года ЦСУ СССР даже провел под руководством М. Эйдельмана, возглавлявшего отдел межотраслевого баланса, специальный семинар, посвященный моим работам, где они обсуждались вполне благожелательно. Но о моем участии в реорганизации ЦСУ СССР вопрос не возникал: для московской номенклатуры я оставался чужаком и, что еще хуже в ее глазах, правым.

Моя деятельность по изучению экономики Тувы в 1988–1989 годах ограничивалась анализом ее текущего положения и изменений экономической политики в СССР. Я проводил его на семинарах лаборатории, которые посещали и желающие из других лабораторий. Одновременно я анализировал и состояние всей советской экономики. И те и другие показатели после некоторого улучшения в 1985–1986 годах вновь стали клониться к упадку. Я обнаружил это, анализируя поквартальные данные по СССР. На основе этого анали-

за я написал довольно большую статью с расчетами, которую отнес в очень популярный еженедельный журнал «Огонек» во время очередной поездки в Москву весной 1988 года. Меня заверили, что статья будет опубликована, но дней через десять сообщили, что Коротичем это признано нецелесообразным, так как «может нанести удар по Горбачеву». Отношение к объективной информации в СССР не менялось от смены политического курса. Она продолжала делиться на «полезную» и «вредную».

Тем временем произошел любопытный случай, связанный с руководством Тувы. В один летний день мне позвонили из Президиума Верховного совета Тувинской АССР и сообщили, что со мной хочет встретиться Председатель Президиума. Он встретил меня очень радушно: «Я две ночи не мог заснуть после чтения Вашей концепции. Все в ней написано правильно. Но Вы должны понять, что от меня мало что зависит». Не только слова, но и весь его внешний вид, доброе и умное лицо показывали, что далеко не все в советской номенклатуре были карьеристами и беспринципными и бесчестными людьми.

По мере публикации моих статей по альтернативным оценкам и с развитием процесса демократизации росла возможность защитить докторскую диссертацию. Для изучения такой возможности я обратился в Центральный экономико-математический институт АН СССР, где давно работал мой друг Виктор Волконский. По его «наводке» я обратился к тогдашнему заместителю директора института Д.С. Львову. Львов принял меня очень радушно, встретил словами: «Я только что из США. Американские экономисты признают только одного советского экономиста – Ханина». Он дал указание Волконскому

обсудить мою диссертацию в своей лаборатории и затем в отделе. Эти обсуждения состоялись уже в конце 1989 года и прошли вполне благополучно. Но для защиты диссертации требовался еще выход книги. На основе диссертации я подготовил ее для издания в издательстве «Наука», так как все еще числился в составе Сибирского отделения АН СССР. Но процесс издания был долгим. Поэтому рассчитывать на защиту можно было только в 1991 году.

Признание пришло и с неожиданной стороны. Мой старый недруг Аганбегян, добившийся моего изгнания из НГУ в 1972 году и пытавшийся организовать кампанию против меня в НИИ систем в конце 70-х годов, выпустил в Новосибирске в 1989 году небольшую книжку о перестройке в экономике СССР. На первой ее странице он вспоминал о своем коллеге из Академгородка, который давно занялся изучением фондовых бирж и которого он тогда не понял. Никто, кроме меня, фондовыми биржами в Академгородке не занимался. Думаю, Аганбегяну было нелегко писать эти строки и признавать таким образом косвенно свою неправоту по отношению ко мне. Он проявил известное благородство, которого я от него не ожидал.

Тем не менее ссылок на мои работы и в это время в советской литературе (в отличие от западной) было немного. Из заметных исключений назову две, принадлежащие авторитетным в этот период экономистам. Н. Шмелев и В. Попов в очень популярной в этот период книге «На переломе» очень подробно излагали мои расчеты. Станислав Меньшиков, сыгравший роль в моем изгнании из НГУ, но которого, несмотря на это, я ценил за профессионализм, в книге «Советская экономика: катар-

сис или катастрофа» с большим уважением отзывался о моих расчетах.

Тем временем в моей жизни произошли важные события, вследствие которых защита диссертации перестала казаться срочным делом.

Прежде всего, я покинул Кызыл. Я счел свою задачу выполненной. Концепция была разработана, подготовлена была и замена. Ею могла стать появившийся у меня заместитель Балакина из местных экономистов. Сложился и остальной коллектив лаборатории. Меня уже тяготила жизнь в Кызыле. И обстановка в стране очень сильно изменилась для меня к лучшему по сравнению с 1986 годом.

Прежде чем рассказать о жизни после Тувы, я хотел бы рассказать о судьбе отдела и моих друзей по отделу. Ажищев покинул отдел вскоре после меня. Его сгубила «русская болезнь». При всех своих выдающихся способностях руководителя и мыслителя он много пил, и это пристрастие с годами только усиливалось. Этого уже не могли вынести даже терпимо относившиеся к этой слабости руководителя СО АН СССР. Руководство республики радо было избавиться от непослушного начальника отдела. Его преемник был намного более управляем. После ухода Ажищева начался исход приведенных им коллег. Практически все они уехали из Тувы.

Судьба Ажищева сложилась грустно. У него распалась семья, он неоднократно менял место работы и жительства. Несколько раз мы встречались в Новосибирске и один раз в Москве. Он сохранил остроту ума и проницательность. В последний раз, несколько лет назад, он загорелся идеей оздоровления мировой экономики путем возвращения к золотому стандарту. Поскольку эта идея и меня в свое время увле-

кала, я поддержал его своим отзывом. Чем мог, я его поддерживал. Но мои возможности были ограниченны.

Яблонский в середине 1990-х годов покинул Россию и обосновался на Западе в качестве профессора довольно престижных западных университетов. Мы с ним несколько раз встречались в Новосибирске, перезванивались, и он даже опубликовал одну мою статью о российской науке в основанном им в США русскоязычном журнале «Средний Запад». Ислентьев и Ставаши бросили науку и занялись бизнесом. Я их встречал один раз. О судьбе Константинова ничего не знаю.

Мои идеи по экономике Тувы были забыты с моим отъездом. Недавно Балакина прислала мне для рецензирования свою книгу о стратегии развития экономики Тувы. О моих исследованиях там не было ни слова.

В целом свое пребывание в Туве я рассматриваю до сих пор как один из самых успешных и радостных периодов моей жизни. Я исключительно плодотворно работал в доброжелательной и интеллигентной научной среде и приобрел несколько хороших друзей.

Литература

Ханин Г.И. Почему пробуксовывает наука / Г.И. Ханин // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. – М.: Прогресс, 1989. – С. 140–168.

Ханин Г.И. О моих современниках / Г.И. Ханин // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10). – Т. 2. – С. 141–144.

Ханин Г.И. Непрошенный советник / Г.И. Ханин // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4(14). – Т. 2. – С. 122–130.